

И. Э. Ратникова (Минск), Лян Цзин (Уси)

**МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
КИТАЙСКИХ ГОТОВЫХ РЕЧЕНИЙ (成语)
В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Авторы публикации исходят из тезиса о полезности применения частных сведений о типологически далеком языке для более глубокого понимания устройства и национальной самобытности языка родного и подтверждают это своим опытом использования сведений о китайской фразеологии при изучении курса «Современный русский язык» на филологическом факультете БГУ.

Изучение фразеологического состава языка в контексте культуры, несомненно, благодатная почва для выявления «культурных смыслов», т. е. информации о мировоззрении народа. Национальное своеобразие мировосприятия той или иной этнокультурной общности коренится в образе жизни и психологии народа и отражается в семантической структуре языковых знаков. В то же время многие устойчивые отношения образной аналогии, зафиксированные во фразеологизмах, демонстрируют надэтнический, универсальный характер когнитивных моделей. Поясним, как именно эти постулаты реализуются в учебном процессе.

Стремясь активизировать познавательную деятельность студентов, на лекции по фразеологии мы предлагаем им определить значение китайских фразеологизмов по внутренней форме (буквальному переводу) и привести русские аналоги, максимально приближенные к китайским единицам по образной основе. Благодатным в этом отношении материалом являются фразеологизмы, включающие названия животных: с одной стороны, эти фразеологизмы характеризуются сходной когнитивной основой (апелляция к эталону того или иного свойства человека), с другой – основаны на несовпадающих образах. Так, значение ‘трусость’ в русской фразеологии воплощается в образе **зайца** (*заячья душа*), а ‘беспокойство’ – **кошки** (*на душе кошки скребут*); в китайской наивной картине мира ‘трусость’ связана с образом **мыши** (*胆小如鼠 – желчный пузырь маленький, как у мыши*), ‘беспокойство’ – с образом **обезьяны** (*心猿意马 – в сердце обезьяны, в мыслях*

кони). Негативная характеристика человека в обоих языках связана с образами *волка* и *змеи*: *狼心狗肺* – с *волчьим сердцем и собачьими легкими* (ср. *волк в овечьей шкуре*), *佛口蛇心* – букв. *уста Будды и змеиное сердце* (ср. *змея подколотная*) и т. п.

Интерес аудитории привлекает и другая концептуально важная группа фразеологизмов – связанная с метафорическим переосмыслением понятий «хлеб» и «рис»: если для русскоговорящих большое место в жизни (как физической, так и духовной) занимает хлеб, то для китайцев эта позиция связана с рисом: *хлеб всему голова; не лошадь ведет, а хлеб; хлеб насущный; зарабатывать на хлеб; 巧妇难为无米之炊* ‘даже хорошая хозяйка не может ничего приготовить без риса’ (о том, что для каждого дела нужна тщательная подготовка); *生米做成熟饭* ‘сырой рис уже сварен’ (о чем-то сделанном для достижения цели).

Показательны также примеры фразеологизмов, включающих имена числительные: *на седьмом небе, за семь верст киселя хлебать, семеро одного не ждут, семь бед – один ответ* и др. (*семь* – мистическое, священное число для славянских народов, важное для мифологической системы: семь богов древнерусского пантеона). А для китайского народа таким числом является *девять*. Китайцы «насчитывают» девять ярусов небес и восемнадцать (дважды девять) ярусов преисподней: *打入十八层地狱* ‘посадить кого-либо в восемнадцатый ярус преисподней’ – поставить в самое плохое, самое низкое положение); *九霄云外* ‘за девятым небом’ – очень далеко, очень высоко).

На практических занятиях наряду с традиционными заданиями по фразеологии мы предлагаем студентам выявить случаи совпадения или сходства семантики и образной основы русских и китайских фразеологизмов. Поиск фразеологических параллелей в генетически разных языках ведется в направлении от «чужого» к «своему». Анализируя внутреннюю форму китайских речений *成语*, белорусские студенты по возможности подбирают фразеологические, в том числе паремиологические, единицы русского языка / фольклора с аналогичной или параллельной метафорической основой, например *惊弓之鸟* ‘птица, испуганная луком’ – *пуганая ворона куста боится*; *对牛弹琴* ‘играть на цитре перед быком’ – *метать бисер перед свиньями; 沧海一粟*

‘просяное зернышко в море’ – *иголка в стоге сена*; 雨后春笋 ‘как молодой бамбук после дождя’ – *как грибы после дождя*; 水性杨花 ‘текучая вода и тополиный пух’ – *ветер в голове*; 天上掉馅饼 ‘пирожки, падающие с неба’ – *манна небесная*.

По завершении работы с фразеологическими параллелями студенты делают вывод о том, что все фразеологизмы данной группы характеризуются образностью, которая отвечает одной из основных тенденций развития языка – тенденции к экспрессивности речи. При этом отмечается, что китайские фразеологизмы обладают в некоторых случаях более высокой степенью экспрессивности – благодаря присутствию персонифицированных образов животных или растений: 螳臂挡车 ‘богомол плечом задерживает колесницу’ – *лечь на рожон*; 枯木逢春 ‘к сухому дереву пришла весна’ – *вернуться к жизни*; 井底之蛙 ‘лягушка на дне колодца’ – *не видеть дальше своего носа*; 鹤立鸡群 ‘словно журавль в курятнике’ – *на голову выше других*. Вторая мысль, к которой приходит аудитория, касается совпадения / сходства семантики и образной основы некоторых русских и китайских фразеологизмов. Таким способом мы подводим студентов к выводу, что существование фразеологических параллелей даже в генетически разных языках объясняется общностью жизненного опыта и отражающих его процессов мышления, общностью образных аналогий, устойчивых ассоциативных связей между логически не связанными явлениями.

Затем следует задание проанализировать китайские фразеологические единицы, которые не имеют эквивалента в русском языке, – они особенно ярко демонстрируют национально-культурную самобытность семантики: 鹤发童颜 ‘журавлиные волосы, но младенческое лицо’ (о человеке, который в преклонные годы выглядит молодо); 青梅竹马 ‘зеленые сливы и бамбуковые лошадки’ (о детской непосредственности, детской дружбе); 望梅止渴 ‘утолять жажду, глядя издали на сливы’ (утешаться призрачными надеждами); 天女散花 ‘небесная дева осыпает цветами’ (пожелание счастья); 豆蔻含葩 ‘кардамон расцвел’ (о девушке, готовой к замужеству). В раздаточном материале приведен также лингвострановедческий комментарий примеров. Так, длительное влияние буддизма и даосизма в китайском обще-

стве запечатлелось в многочисленных безэквивалентных фразеологизмах: 大慈大悲 ‘великая доброта и большая скорбь’ (об отзывчивости и милосердии бодисаттв – существ, получивших миссию в высшем мире, по исполнении которой они воплощаются в Будде); 普渡众生 ‘спасение всего сущего’ (о силе учения Будды); 清规戒律 ‘многочисленные ограничения в жизни буддийских монахов’ (о мелочных ограничениях, излишнем педантизме); 借花献佛 ‘взять займы цветы для подношения Будде’ (о подарке, сделанном за чужой счет); 世外桃源 ‘персиковый источник на том свете’ (рай). Студенты обычно легко и быстро вспоминают безэквивалентные (по отношению к китайскому языку) русские фразеологизмы, которые по происхождению связаны с язычеством древних славян и эпохой христианства (*не все коту масленица, семь пятниц на неделе, иерихонская труба, блудный сын, бог миловал* и т. п.). Такие примеры эффективнее любых разъяснений преподавателя убеждают аудиторию в том, что фразеологический состав языка в первую очередь выражает особенности национальной истории и культуры.